

В колхозной библиотеке сельско-хозяйственной артели имени Жемайте, Кретингского района, Клайпедской области (Литовская ССР), насчитывается более 3 тысяч книг. На СНИМКЕ: заведующая библиотекой Казе Лютявичене (справа) помогает выбрать книгу молодой колхознице комсомолке Зите Гришкайте.

В тайне

Стремительно улицы поселка убегают в лес. Они наступают на него, отбрасывая метром. Вокруг тайга. Вечерет. На вышке электростанции загорелась яркая красная звезда. Здесь, в поселке лесорубов «Центральный хазан», ее называют: наша рубиналов.

Мы спешим в клуб. У широкой веранды, еще пахнувшей смолой, торчат почерневшие пни. Их не успели выкорчевать. Мы явно опоздали: читательская конференция по роману С. Бабаевского началась. В клубе люди, но тихо. Рядом с концертным роялем, кому-то тесно на маленькой сцене, стоит сколапленный паренек в новом суконном костюме. Это тракторист Венедикт Кибалин.

Самолет шел на большой высоте... Стрелка альтиметра показывала 17.500 футов. Несмотря на это, туман обволакивал самолет со всех сторон. В окно ничего нельзя было разглядеть, кроме неясного автообразного тумана.

У лейтенанта Фентона очень болевли уши. Его давно б стошнило, если бы он не лежал неподвижно на спине в кабине для экипажа.

Все же лейтенант решил проявить силу воли, встать и проведать пассажира, которого ему было поручено сопроводить.

Большой грузинский старик, в черном костюме, одиноко сидел в кресле, закрыв глаза и слегка наклонив длинную, похожую на опрессованное яйцо, голову.

— Как вы себя чувствуете, сэр? — обратился лейтенант к старику. — Не указало?

Старик поднял голову и, не открывая глаз, тихо спросил: — Где мы летим?

— Трудно сказать, сэр. Кругом туман. Я думаю...

— Спросите у летчиков. — Слушаю.

Фентон с трудом добрался до кабины пилота.

каждых тысяч футов, память работала безотказно.

Весь Корейский полуостров стоял перед глазами старика. Он знал его вдоль и поперек, мог назвать каждую шахту, каждый завод и рудник, помнил, что и кому принадлежит.

Только людей этой страны старик плохо себе представлял. Все они были для него на одно лицо.

И в ту же минуту в ушах старика зазвучал трубный голос Вильсона — человека Моргана.

— Повторил про себя старик, — он быстро шагает, этот похолодный на горлышко паренек...

Старик снова закрыл глаза. Постояв минуту, Фентон стал пробираться к своей койке.

Фентон не знал, как звали старика, но предполагал, что это важный типпа. Видно, сенатор, не меньше.

Собственно, все это было ни к чему. На токийском аэродроме старого лейтенанта прождала куча начальства.

Старик восстанавливал в памяти события последних двух лет. Он вспоминал, как являлись к нему агенты Ли Син Мана, как он раздраженно сказал генералу Роберту, что типшина на границе чрезмерно затянулась...

Мальжурин, и тогда... тогда снова надо неустанно работать для достижения той, главной цели, но уже на новой почве, с новыми и еще более реальными шансами на успех...

Старик поворачивается к окну и смотрит вниз. Самолет идет на снижение. Старик видит морской берег, похожий на неприступный, одетый лесом барьер, видят долины и чуть заметную серебряную полосу реки.

Старик хочется взглянуть дальше, на север, туда, где лежит неизвестная ему Советская Россия.

Среди немногих страстей, которыми одержим старик, самой сильной является способность ненавидеть. И главным объектом его ненависти, способным в любую минуту вывести его из обычного холодно-сосредоточенного состояния, с давних пор служит Советская Россия.

И ему мерещилось будущее, — земля, на которой, под американским флагом, покорно трудятся народы, волю и самостоятельность которых сломали для Кузла Америка, неисчерпаемые рынки, неисчерпаемые резервы дешевой, покорной рабочей силы...

Старик, хмури брови, смотрит на север, но не видит ничего, кроме бесконечного моря.

Самолет идет на посадку, а он продолжает неподвижно сидеть в своем кресле, этот большой, грузинский старик, в наглухо застегнутом, несмотря на жару, черном костюме, один из руководителей протестантской церкви в Союзнных Штатах, человек, которого советский министр иностранных дел назвал «поджигателем войны № 1».

Старик, хмури брови, смотрит на север, но не видит ничего, кроме бесконечного моря.

Самолет идет на посадку, а он продолжает неподвижно сидеть в своем кресле, этот большой, грузинский старик, в наглухо застегнутом, несмотря на жару, черном костюме, один из руководителей протестантской церкви в Союзнных Штатах, человек, которого советский министр иностранных дел назвал «поджигателем войны № 1».

Самолет шел на большой высоте... Стрелка альтиметра показывала 17.500 футов. Несмотря на это, туман обволакивал самолет со всех сторон.

У лейтенанта Фентона очень болевли уши. Его давно б стошнило, если бы он не лежал неподвижно на спине в кабине для экипажа.

Все же лейтенант решил проявить силу воли, встать и проведать пассажира, которого ему было поручено сопроводить.

Большой грузинский старик, в черном костюме, одиноко сидел в кресле, закрыв глаза и слегка наклонив длинную, похожую на опрессованное яйцо, голову.

— Как вы себя чувствуете, сэр? — обратился лейтенант к старику. — Не указало?

Старик поднял голову и, не открывая глаз, тихо спросил: — Где мы летим?

— Трудно сказать, сэр. Кругом туман. Я думаю...

— Спросите у летчиков. — Слушаю.

Фентон с трудом добрался до кабины пилота.

каждых тысяч футов, память работала безотказно.

Весь Корейский полуостров стоял перед глазами старика. Он знал его вдоль и поперек, мог назвать каждую шахту, каждый завод и рудник, помнил, что и кому принадлежит.

Только людей этой страны старик плохо себе представлял. Все они были для него на одно лицо.

И в ту же минуту в ушах старика зазвучал трубный голос Вильсона — человека Моргана.

— Повторил про себя старик, — он быстро шагает, этот похолодный на горлышко паренек...

Старик снова закрыл глаза. Постояв минуту, Фентон стал пробираться к своей койке.

Фентон не знал, как звали старика, но предполагал, что это важный типпа. Видно, сенатор, не меньше.

Собственно, все это было ни к чему. На токийском аэродроме старого лейтенанта прождала куча начальства.

Старик восстанавливал в памяти события последних двух лет. Он вспоминал, как являлись к нему агенты Ли Син Мана, как он раздраженно сказал генералу Роберту, что типшина на границе чрезмерно затянулась...

